

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ Вокруг одной старинной открытки

Главной героиней нашего повествования выступает иллюстрированная почтовая карточка — открытое письмо, или сокращенно — открытка. Сто лет назад открытые письма были весьма "продвинутым", говоря современным языком, средством общения.

Речь пойдет об одной из 5000 коллекционных открыток, составляющих наше одесское собрание.

Открытка послана из Крыма в Одессу в ноябре 1915 года. Она была отправлена из Алупки 13 ноября и, согласно почтовому штампу, прибыла в Одессу 17 ноября 1915 года.

Адрес, по которому отправлено открытое письмо:

"Одесса, прапорщику В.П. Овчаренко, офицерский лазарет, Маразлиевская, 50".

Сначала обсудим адрес, который приводит нас в один из красивейших уголков Одессы у старинного Александровского парка (ныне парк имени Т.Г. Шевченко). Маразлиевская, 50 (сейчас — 48), — это доходный дом на углу четной стороны начала улицы Троицкой (№ 2), построенный в 1880-е годы архитектором Ф.И. Коловичем на месте более старого дома. Дом многократно менял владельцев и перестраивался. В начале XX века он принадлежал генералу Романенко, позднее перешел к наследнику ювелирного дела в Одессе — С.С. Мангуби.

На старинной литографии, выполненной художником В. Вахреновым, хорошо видны оба этих дома, а в центре, в перспективе Троицкой улицы, — изящная церковь Архангело-Михайловского женского монастыря, построенная архитектором Г. Торичелли в 1834 году на Новой (Михайловской, Маразлиевской) улице. Церковь простояла около 100 лет и была безжалостно разрушена в 1930-х годах. На ее месте возвели дом для работников НКВД, перед которым несколько лет назад установили памятник Г.Г. Маразли, имя которого было присвоено этой живописной улице в 1895 году.

Понятно, что прапорщик Владимир Овчаренко, которому адресована открытка, лечился осенью 1915 года в офицерском лазарете на Маразлиевской, 50, с четной стороны Троицкой улицы. Владимир Поликарпович родился в Одессе около 1889 года в семье кадрового военного, штабс-капитана Поликарпа Поликарповича Овчаренко, служившего в 59 пехотном Люблинском полку, расквартированном в городе. По сведениям справочника "Вся Одесса на 1914 год", 25-летний Владимир Овчаренко владел домом на 9 станции Большого Фонтана и состоял сотрудником газеты "Одесский листок". Как только началась война, молодой человек, окончив школу прапорщиков, пошел на фронт.

В Одессе в начале первой мировой войны были созданы две школы прапорщиков — офицеров военного времени, — обеспечивающих ускоренную (3-4 месяца) подготовку из грамотных молодых людей младших офицеров пехоты, так необходимых на фронте. Чуть позже Овчаренко школу прапорщиков закончил будущий писатель Валентин Катаев. В нашей коллекции сохранился элегантно значок 2-й школы прапорщиков, который имели право носить выпускники этого временного военного учебного заведения.

Из биографии В.П. Катаева известно, что осенью 1917 года он лечился после ранения в госпитале на Маразлиевской. С присущей ему яркостью он описал свое пребывание в лазарете и звон колоколов Михайловской церкви в автобиографической повести "Зимний ветер".

"За окнами так громко звонили колокола, что Пете казалось, будто эти тяжелые, звучные колокола находятся тут же в комнате, вместе с голубым куполом и золотым крестом колокольни, вместе с густо-синим сентябрьским небом и белыми круглыми облаками..."

Звон колоколов — сильный, красивый — влетел в комнату, заставляя дрожать цельные зеркальные окна больших высоких окон..."

Описывая местонахождение госпиталя, писатель внес некоторую путаницу в географию Маразлиевской улицы.

"...В приемные дни Петю "вывозили" на балкон, где, удобно подпертый подушками, он полулежал на камышовом канале, совсем невысоко над солнечной Маразлиевской улицей, на уровне молочно-белого дугового фонаря в проволочной сетке, который напоминал Пете детство и его увлечение электричеством..."

Прохожие шли туда и назад под Петей, он

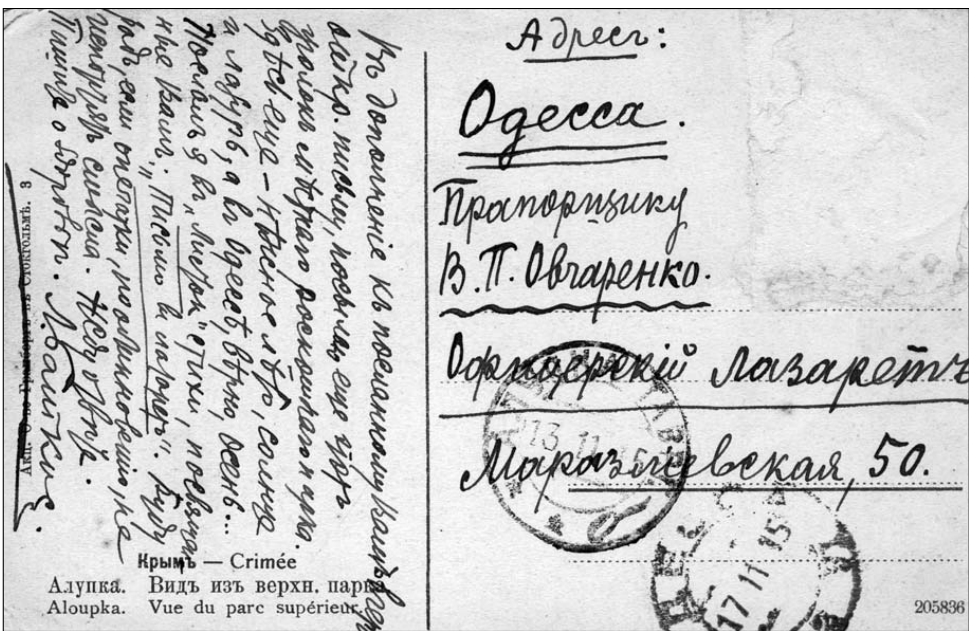
лениво наблюдал, как у приближающегося человека постепенно скрадываются ноги, сокращается туловище, пока не остаются одни лишь плечи и шляпа, и человек проходит под балконом в пятнистой тени осенних платанов...

Петя, облокотясь на руку, как бы висел над этой нарядной улицей..."

Катаевское описание ясно указывает, что раненный офицер — герой автобиографической повести — сидел на балконе второго этажа. Подходящие балконы, с которых можно наблюдать созданную писателем картину,

открытому письму, посылаю этот уголок местного роскошного парка. Здесь еще — нежное лето, солнце и лазурь, а в Одессе, верно, осень... Послал я в "Листок" стихи, посвященные Вам: "Письмо в лазарет". Буду рад, если опечатки, по обыкновению, не испортят смысла. Жду ответа. Пишите о здоровье. Л. Баткис".

Оставим без комментариев ту часть текста, которая посвящена погоде в Крыму и красотам парка Алупкинского дворца. С этой частью письма все ясно, но стихи, посланные Л. Баткисом в "Листок", нас заинтересовали.



есть только на доме Мангуби, № 50. На особняке Ближенского балконов как не было, так и теперь нет, в чем можно легко убедиться одесситам, желающим прогуляться по Маразлиевской улице.

Таким образом, оба раненных прапорщика лечились в разные годы в одном и том же офицерском лазарете на Маразлиевской. Легко убедиться, просмотрев одесские справочники 1910-х годов, что лазарет переоборудовали в начале войны не из особняка Ближенского, как пишет Катаев, а из "Хирургической клиники доктора Г.С. Сева", работавшей на Маразлиевской, 50, с 1 сентября 1902 года. К слову сказать, в 1915 году в прифронтовой Одессе, по данным, приведенным в "Херсонских епархиальных ведомостях" того времени, действовали 52 лазарета.

Сведения о лечебном заведении доктора Гириша Сендеровича Сева, рассчитанном первоначально на 10-15 кроватей, встречались нам в справочниках: "Вся Одесса на 1911 год", "Вся Одесса на 1914 год" и в "Адресном списке врачей в г. Одессе на 1913 год".

Последний справочник был нам недавно подарен опытным юристом, филателистом Вячеславом Шереметом. В скобках укажем, что, согласно владельческой надписи, "Список врачей" принадлежал человеку из окружения В.П. Катаева — приват-доценту Новороссийского университета, профессору Одесского медицинского института Вячеславу Карловичу Стефанскому. Сын доктора Стефанского Сергей был женат на Зое Корбул — прототипе Гандзи Траян из "Юношеского романа" В.П. Катаева, в которую писатель был безответно влюблен в юности.

Но вернемся к лечебнице доктора Г. Сева, переоборудованной в военное время в офицерский лазарет, где залечивали свои раны прапорщик В.П. Овчаренко, а позднее — прапорщик В.П. Катаев.

Наконец настало время ознакомиться с лаконичным текстом исследуемой открытки: "В дополнение к посланному Вам вчера

размещены стихи, посвященные В.П. Овчаренко, другого автора — Константина Подвойского — "Вы ранены опять".

Вы ранены опять,
Вы снова в лазарете!
Взор музы полон слез.
На струнах лиры — пыль.
Глубокая печаль
Стоит в вечернем свете
С поникшей головой,
Как между трав ковыль.
Пред нею — вновь поля,
Разрытые шрапнелью,
Пред нею — в ранах лес —
Без листьев и ветвей;
За лесом — вновь луга
С кровавою постелью,
Разостланной огнем
Родных богатейей.
И в сердце Вашем
Нет прилива примиренья.
В нем нет еще забот:
Пыль гнева остудить
Для солнечных бесед,
Для вести вдохновенья,
Чтоб снова звоны
Струн ликующих любить.

Другое стихотворение на тему ранения прапорщика Овчаренко "В лазарет" было написано им самим и опубликовано 4 октября 1915 года в № 271 "Одесского листка". Стихотворение написано в виде диалога между молодой воспитанницей института благородных девиц, прочитавшей о прапорщике в журнале, и им самим. Как и вся поэзия этого времени, стихи, публиковавшиеся в газете, высоко патриотичны. Уверенность в победе над врагом, желание защитить свою родину — этими мыслями проникнуты все произведения первых лет первой мировой войны.

Вот строки из еще одного стихотворения под названием "Вино моей любви" Владимира Овчаренко, опубликованного в № 236 от 30 августа 1915 года:

Вино моей любви поет в твоём бокале,
Но у меня еще другая есть любовь...
И в чаше той любви — пылающая кровь.
Передо мною лик, исполненный печали.
Как верный сын, принадлежу стране.
Я не могу стоять на перепутьи.
Иду туда, где стон смертельной жути
Является в кошмарах и огне.

За год в "Одесском листке" нами обнаружены еще два стихотворения В.П. Овчаренко, написанные, пока он находился на лечении в лазарете на Маразлиевской, 50, на такой же высокой патриотической ноте.

30 ноября 1915 года в офицерском лазарете состоялся вечер исполнительницы русских народных песен и романсов Надежды Плевицкой, на котором Владимир Овчаренко прочитал стихи, посвященные певице:

В Вашем сердце чарующих песен так много
Нашей русской печали родной глубины...
Вы пришли, утешая солдата родного,
Петь лихие и жуткие песни войны.
И мы слушаем Вас. Сколько ласки желанной,
Сколько ярких надежд...

Гордо ширится грудь.
Верю: тучи растают за далью туманной.
Знаю: с песней славянской

победен наш путь...
Песни, мысли, сердца нужно слить воедино,
Беспощадный недруга выкован меч —
Вы умеете песни и мысли зажечь,
Ваше сердце поет в боевую годину.

В стихах отправителя открытки Леонида Баткиса, человека штатского, войны не ощущалось.

Пред тобою — нотная бумага.
У рояля — тусклая свеча.
Профиль твой, как мрамор саркофага,
И рука тонка и горяча...

Это стихотворение опубликовано 22 ноября 1915 года, возможно, вместо письма в лазарет, посвященного В. Овчаренко.

Юношеские стихи В.П. Катаева также печатались в "Одесском листке" в 1915-1916 годах. Некоторые из них не вошли в 10-томное прижизненное собрание сочинений, но попали в измененном виде в сборник "Избранные стихотворения Валентина Катаева", вышедший в 2010 году в Москве.

Такая вот поэтическая история вокруг старинной открытки, посланной в офицерский лазарет на Маразлиевской улице.

Авторы благодарят за содействие в написании статьи С.З. Луцкича, А.Л. Яворскую, О. Барковскую, Т.В. Щурову, В.А. Михальченко.